ЛИТЕРАТУРА И ОБЩЕСТВО

ВЪ РОССІИ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ВРЕМЯ.

Рѣчь, читанная въ годовомъ собраніи Императорскаго Казанскаго Университета Ординарнымъ Профессоромъ Н. Буличемъ

5 НОЯБРЯ, 1865 ГОДА.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1865.

ПРОВ 1954

Перепечатано изъ «Ученыхъ Записокъ» Казанскаго Университета за 1865 годъ.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
244
26

ММ. ГГ.

Каждый моментъ жизни въ государствѣ и въ его духовномъ развитіи принадлежитъ исторіи. Еще не успѣли успокоиться событія, еще не обозначились вполнѣ факты жизни, какъ уже начинается судъ исторіи и критическая мысль ищетъ уловить цѣлое представленіе эпохи, уяснить и усвоить себѣ содержаніе пережитаго. Притязаніе мысли совершенно естественно и разумно. Только она одна имѣетъ полное право относиться такимъ образомъ къ явленіямъ жизни и къ событіямъ, переживаемымъ государствомъ, потому что одна она даетъ значеніе исторіи и осмысливаетъ и факты и самую жизнь. То, что не оправдано и не уяснено мыслію, выбрасывается изъ исторіи, какъ явленіе безсмысленное, неимѣющее правъ на существованіе, а потому высокое значеніе принадлежитъ исторической мысли, совершающей судъ надъ жизнію.

Не легокъ судъ этотъ и не всѣ призваны быть судьями надъ жизнію: не отдѣльная личность произноситъ здѣсь приговоръ, а создается онъ самою жизнію, тѣми результатами,

которые остаются въ ней прочными. Явленія прошедшаго, само собою разумѣется, гораздо болѣе понятны всякому. Они успѣли обозначиться всѣми своими и хорошими и дурными сторонами; они записаны; ихъ изучаютъ въ книгахъ; сужденія о нихъ высказаны разными поколѣніями и эти сужденія могутъ быть взвѣшены и сопоставлены съ тѣмъ, что осталось въ самой жизни, представляя связь съ прошедшимъ. Исторія духовнаго развитія какой либо страны, слагаясь изъ цѣлаго ряда фактовъ, обсужденныхъ мыслію, понятыхъ и записанныхъ, представляетъ стройное цѣлое до тѣхъ поръ, пока появленіе новыхъ фактовъ, съ перваго взгляда совершенно непохожихъ на все прежнее, неимѣющихъ ничего общаго съ пережитымъ, не заставитъ спотыкнуться изслѣдующую мысль, не заставитъ ее пріостановиться, и сознать, что начинается новая жизнь, а слѣдовательно и новая исторія. Черезъ нѣсколько лѣтъ, сколько нужно для суда исторіи, и эти непонятные новые факты совершенно уяснятся; они свяжутся съ предшествовавшимъ и послѣдующимъ, получатъ смыслъ и оправданіе, но въ самую минуту своего появленія, они сбиваютъ съ толку людей, порождаютъ въ нихъ тяжелыя недоразумѣнія, даже борьбу между старымъ и новымъ. Она не успокоится до окончательнаго суда исторіи. Но пока придутъ эти будущіе присяжные и произнесутъ свой приговоръ надъ переживаемой нами эпохой, надъ нами, захваченными борьбой и волненіями, современная мысль невольно проситъ отвѣта у жизни, добивается отъ нея ея смысла, критически подымаетъ и взвѣшиваетъ факты и хочетъ поставить себя въ разумныя отношенія къ дѣйствительности. Въ настоящую минуту, кажется мнѣ, и въ нашей духовной жизни наступила эта пора сознанія. Окружающее насъ затишье кажется свидѣтельствуетъ о томъ, что нѣсколько лѣтъ для многихъ непонятныхъ и странныхъ волненій и борьбы миновались,—по разнымъ причинамъ,—и намъ пора отдать отчетъ въ пережитомъ, пора уяснить себѣ настоящее, не смотря на нашу живую и непосредственную связь съ нимъ, пора сдѣлать по возможности безпристрастное наблюденіе надъ тѣмъ, что окружаетъ насъ.

Излагая съ каѳедры здѣшняго университета исторію русской жизни въ ея литературныхъ явленіяхъ, я, вслѣдствіе

выпавшей на мою долю обязанности говорить съ вами, ММ. ГГ. отъ лица университета въ этотъ день его основанія, празднуемый нами торжественнымъ собраніемъ, могъ бы выбрать любое явленіе изъ минувшей литературной жизни нашего отечества, могъ бы остановится на далекихъ, чуждыхъ современности фактахъ и занять ваше вниманіе ими, болѣе или менѣе уясненными безпристрастнымъ судомъ исторіи. Академическій обычай, заведенный стариною, соблюденъ былъ бы вполнѣ; скучающіе слушатели, небольшіе охотники вообще до минувшаго, разошлись бы, можетъ быть освѣживъ свои школьныя воспоминанія, а можетъ быть и недовольные професоромъ за сдѣланный имъ выборъ далекой отъ дѣйствительной жизни темы. Сознавая это и не разсчитывая на свои силы, чтобы занять это собраніе вполнѣ достойнымъ образомъ, я, послѣ продолжительной думы, выбралъ для настоящей академической бесѣды такое содержаніе, которое само по себѣ, независимо отъ лица его излагающаго, должно заинтересовать всякаго, кто привыкъ думать надъ жизнію и желаетъ отдать себѣ отчетъ въ ней. Я намѣренъ говорить передъ вами о нашей современной духовной исторіи, о тѣхъ литературныхъ явленіяхъ, которыя привозитъ намъ послѣдняя почта и которыя возбуждаютъ теперь болѣе или менѣе оживленные толки въ обществѣ; я намѣренъ сдѣлать общій очеркъ недавно пережитыхъ и переживаемыхъ всѣми нами мыслей послѣдняго періода нашей духовной жизни. Весьма трудно говорить о современности; также трудно, какъ дѣлать наблюденія надъ самимъ собою. На каждомъ шагу можно натолкнуться на мысль совершенно противоположную, даже враждебную; на каждомъ шагу можно ошибиться самымъ грубымъ образомъ, потому что имѣешь дѣло не съ трупомъ, годнымъ для анатомическихъ секцій, а съ живою жизнію, разнообразною и едва уловимою для изслѣдованія, которой никто не имѣетъ права сказать: остановись и дай сдѣлать наблюденіе. Тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что нѣтъ предмета болѣе любопытнаго, болѣе заслуживающаго вниманія той духовной атмосферы, которая окружаетъ насъ и которой дышать суждено намъ жизненнымъ процессомъ, тѣхъ современныхъ литературныхъ идей, которыя имѣютъ самое близкое отношеніе къ намъ и воспитываютъ и тревожатъ современниковъ. Пусть

будетъ это—волнующееся море, но понять его необходимое и разумное движеніе, найти руль въ этомъ водоворотѣ, насъ увлекающемъ, достигнуть берега—дѣло великой важности. Я очень далекъ отъ притязанія быть путеводителемъ въ этомъ водоворотѣ; я самъ пловецъ, увлекаемый волною современности и мое желаніе состоитъ лишь въ томъ, чтобъ представить вамъ образъ пловца, который борется съ увлекающею его волною и хочетъ найти желанный берегъ. Найдетъ ли онъ его—судить конечно не ему.

Всякому извѣстно, что духовная жизнь страны, ея литература, литературныя явленія и образы поэзіи, типы, вызываемые ею къ жизни не суть что либо отрѣшенное отъ жизни и отъ общаго строя и направленія государственныхъ дѣлъ. Между тою и другою стороною исторіи существуетъ взаимная связь и по бо́льшей части литературные типы, создаваемые писателями—не плодъ ихъ празднаго воображенія, а продукты окружающаго общества и чѣмъ непосредственнѣе эти типы, чѣмъ менѣе въ созданіи ихъ замѣтна преднамѣренная цѣль автора, тѣмъ они лучше выражаютъ дѣйствительность. По литературнымъ типамъ, постепенно возникающимъ, легко прослѣдить внутреннюю исторію страны и смыслъ общественной жизни, ея содержаніе и ея стремленія. И замѣтить надобно, что здѣсь лучшая часть исторіи, та, которую стоило записать, та, которая даетъ норму и направленіе нашимъ дѣйствіямъ и характерамъ. Не разъ болѣе видные типы литературныхъ созданій, на которые поэтъ потратилъ свои лучшія силы, дѣлались невольно идеалами для подражанія, настраивали на тонъ своей цѣлое общество, увлекавшееся ими.

Въ этомъ отношеніи никогда сила литературныхъ талантовъ въ нашемъ обществѣ не имѣла такого значенія, какъ въ годы, предшествовавшіе тому новому направленію литературы, которое окружаетъ насъ, начавшись не болѣе десяти лѣтъ тому назадъ. Не въ смыслѣ силы, двигающей обществомъ и практически знакомой съ потребностями страны, а въ смыслѣ идеальной стороны жизни, могущественно дѣйствующей на воображеніе, литература и поэзія того времени значили тогда больше, чѣмъ теперь. Имъ вѣрили на слово; повѣсть любимаго писателя или новая стихотворная игрушка извѣстнаго поэта,—составляли важное явленіе въ тогдашней

мелкой жизни. Книжки журналовъ, гдѣ помѣщались они, разрѣзывались съ жадностію. Критика литературныхъ произведеній, которой посвящали свои силы въ тѣ годы замѣчательные таланты, критика, обставленная тяжелыми цензурными условіями того времени, не смотря на нихъ, могущественно дѣйствовала на молодаго читателя. Сквозь ея условныя, хитрыя фразы, которыя обманывали недальновиднаго цензора, чуткое сердце внимало голосу задавленнаго негодованія и воспитываясь на этой критикѣ, приготовлялось къ болѣе лучшему пониманію и жизни и литературныхъ явленій, пріучалось къ серьезной мысли, рѣдкой у насъ.

Какое положительное значеніе имѣла тогда у насъ литература, въ чемъ состояло ея содержаніе и какъ принималось оно обществомъ конца сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ, времени памятнаго большинству изъ насъ? На вопросъ этотъ отвѣчать довольно затруднительно, если мы не уяснимъ себѣ представленія о нашемъ обществѣ. Обыкновенное дѣленіе, возникшее въ недавнее время, состоитъ въ томъ, что общество дѣлятъ на двое, на старое и новое поколѣніе, при чемъ, какъ и слѣдуетъ, къ первой части относятъ все отсталое, живущее старымъ преданіемъ и старыми идеями, потерявшими вѣсъ и цѣну, а ко второй, къ молодому поколѣнію—все живое и дѣятельное, все стремящееся впередъ, за осуществленіемъ надеждъ и идеаловъ, самыхъ свѣжихъ, послѣднихъ, а потому, думаютъ, болѣе дѣйствительныхъ. Раздѣленіе это не вѣрно, потому что непостоянно; молодость скоро старѣется, поколѣнія быстро зрѣютъ и въ какіе нибудь десять-пятнадцать лѣтъ должны бы поэтому мѣняться идеалы добра, счастія, свободы и проч., за которыми стремится все, никогда не умирающее человѣчество. Признавъ такое дѣленіе общества, мы ограничимъ число дѣятелей и выскажемъ довольно грубое непониманіе жизни. Я намѣренъ предложить здѣсь другое дѣленіе нашего общества, на которое прошу васъ покуда согласиться, чтобъ остальное мною высказанное было ясно. Странно конечно было бы дѣлить наше общество на сословія, особенно въ настоящее время, когда большинство преградъ между ними и существенныя привиллегіи ихъ рушились, когда всѣ они призываются въ одному общественному и государственному дѣлу и когда самая исторія страны нашей сво-

имъ неопредѣленнымъ, вялымъ характеромъ, не успѣла развить рѣзко ни одной сословной особенности. Я дѣлаю другое, болѣе высшее и притомъ нравственное дѣленіе.

Русское общество, по моему мнѣнію, можно раздѣлить на двѣ главныя и самыя существенныя половины: на половину живущую и *наслаждающуюся* и на половину живущую и *мыслящую*. Онѣ встрѣчаются въ каждомъ обществѣ, а потому совершенно вѣрно будетъ примѣнить это дѣленіе и къ нашему. Наслажденіе и мысль, конечно не исключающія другъ друга въ человѣческой жизни, но исключительное преобладаніе ихъ, наслажденіе и мысль, какъ цѣли, къ которымъ стремятся, мы ставимъ въ основу нашего дѣленія. Конечно есть и еще часть общества, которая не можетъ подойти подъ это дѣленіе, не смотря на ея многочисленность, та бо́льшая половина народа, гдѣ мысль не присутствуетъ, а наслажденіе слишкомъ грубо, та часть, которую мы назовемъ живущею и *страдающею*, но она не имѣетъ никакого отношенія къ литературѣ. Она не читаетъ и не мыслитъ, а бьется изъ за куска насущнаго хлѣба. Въ безсознательной борьбѣ съ жестокой природой, окруженная матеріальною нуждою со всѣхъ сторонъ, эта часть общества въ литературную эпоху, о которой говоримъ мы, могла наслаждаться развѣ откупнымъ виномъ. Мы оставимъ ее въ покоѣ, потому что для нея гораздо важнѣе умныя административныя мѣры, чѣмъ литература.

Обѣ главныя половины нашего общества: наслаждающаяся и мыслящая разграничены между собою линіею, которую можно назвать *изо-моральною*, но она не имѣетъ такого постоянства и продолжительности, какъ извѣстныя изо-термическія линіи. Послѣднія мѣняются въ высшей степени медленно, вслѣдствіе такихъ геологическихъ переворотовъ, которые встрѣчаются разъ въ тысячу лѣтъ. Изо-моральныя линіи, или уровень мысли и наслажденія общества, мѣняются очень часто, подъ вліяніемъ живой и движущейся исторіи народа, подъ вліяніемъ историческаго сознанія самаго общества. Привычный глазъ наблюдателя видитъ, какъ черезъ эту границу безпрестанно переходятъ ренегаты одной стороны и какъ въ извѣстную пору увеличивается одинъ лагерь на счетъ другаго. Измѣна совершается добровольно, но подъ таинственнымъ вліяніемъ исторіи, переживаемой цѣлымъ обществомъ.

Самый простой, непривыкшій наблюдатель, безъ сомнѣнія замѣтитъ, какъ сильно напр. и въ какую сторону подвинулась въ послѣдніе три года изо-моральная линія нашего общества и какой лагерь выигралъ болѣе—ему ясно.

Что касается до внутренняго содержанія обѣихъ половинъ нашего общества, до содержанія, которое мы положили въ основу нашего дѣленія, то понятно, что всего менѣе должно было измѣниться человѣческое наслажденіе и первая половина общества, представляя изъ себя консервативный элементъ, должна была упорно держаться за сущность своей жизни. Наслажденіе мѣняется и дѣлается эстетичнѣе не вдругъ, а вмѣстѣ съ развитіемъ страны и съ успѣхомъ мысли, а для этого надобно было перебѣжать въ другой лагерь. Какъ и прежде, какъ въ веселое время воспѣтыхъ Державинымъ Екатерининскихъ пировъ, въ этой половинѣ общества жизнь не задумывается и радостно играетъ своими первобытными силами. Карты и вино, лошади и охота, удаль своеволія и физической силы, свѣтская жизнь и общественныя сплетни, и наконецъ женщина, не какъ существо равноправное, не какъ разумная помощница мужу, а какъ блестящая игрушка, какъ одно изъ средствъ наслажденія — вотъ идеалы наслажденія первой, немыслящей половины нашего общества, идеалы, которые она должна была упорно отстаивать. Какое отношеніе имѣла эта половина общества къ современной литературѣ и чего искала въ ней? Очень понятно, что при сонномъ состояніи мысли, она искала въ литературѣ того же, что составляло содержаніе ея жизни — наслажденія. Многимъ памятны цѣлые длинные ряды романовъ Дюма и Феваля, которые появлялись въ переводахъ въ сороковыхъ годахъ и поглощались съ жадностію людьми, искавшими въ нихъ лихорадочнаго возбужденія воображенія, такъ привыкшими къ нимъ, что они презрительно отворачивались потомъ отъ всякаго сколько нибудь дѣльнаго чтенія, какъ старый гастрономъ, привыкшій къ пряностямъ, отворачивается отъ простой и здоровой пищи. Изъ русской литературы надъ этою наслаждающеюся половиною русскаго общества, подымались два любимые типа русскихъ поэтовъ, какъ идеалы для подражанія: Евгеній Онѣгинъ и Печоринъ. Они дѣлили и здѣсь два поколѣнія и старое конечно стояло за Онѣгина, болѣе скромнаго, болѣе

задумчиваго и разочарованнаго, нѣжнаго и влюбчиваго, а молодое подражало Печорину. Вмѣстѣ съ критикою того времени, оно находило въ послѣднемъ типѣ демоническія силы, дѣйствующія неотразимо и силилось подражать «герою нашего времени». Извѣстно, что вся энергія обѣихъ типическихъ личностей была растрачена на женщинъ, — не было ли простора этой энергіи въ другую сторону, или, принадлежа сами къ наслаждающейся половинѣ русскаго общества, они не могли работать мыслію,—а потому типы этихъ сердцеѣдовъ сдѣлались преобладающими и любимыми типами въ наслаждающейся половинѣ русскаго общества. Они удержались на долго; они и теперь еще ходятъ между нами, особенно въ провинціальномъ обществѣ, блѣдными и смѣшными копіями стараго, не возбуждая ничего кромѣ отвращенія. Типы Пушкина и Лермонтова господствовали; они породили множество подражателей, писавшихъ повѣсти съ однимъ и тѣмъ же пошлымъ любовнымъ содержаніемъ, гдѣ русская женщина падаетъ подъ демоническимъ вліяніемъ героя въ родѣ Печорина, подчиняется ему. Такое торжество было завидно для наслаждающейся половины русскаго общества и всякій болтающійся и болтающій членъ этого общества воображалъ себя Печоринымъ. Подражатели не разглядѣли настоящаго смысла Лермонтовскаго героя, не поняли и горечи прочихъ стиховъ его, въ которыхъ замѣчательный поэтъ бросалъ желчные упреки современному обществу, говоря, что члены его

«Къ добру и злу постыдно равнодушны
«И передъ властію презрѣнные рабы»,

утверждая, что въ нихъ нѣтъ даже чувства, а только избытокъ силъ и крови и что будущее всего его окружающаго поколѣнія и пусто и смѣшно. Это былъ далекій звонъ, едва слышный; имъ невозможно было разбудить спящую мысль. Даже образы Гоголя, въ которыхъ онъ выставлялъ оборотную сторону медали, пошлость пошлаго человѣка, и они проходили почти незамѣченными передъ людьми, для которыхъ жизнь сложилась въ пиръ наслажденія. Они смѣялись до слезъ надъ типическими лицами, но не могли задуматься, не могли заплакать надъ ними, какъ бы слѣдовало. Будущее было далеко; оно было неизвѣстно; о немъ не стоило задумываться, когда настоящая жизнь давала такъ много радости.

Въ то время однакожъ, какъ одна половина русскаго общества весело наслаждалась жизнію, другая работала мыслію. Къ сожалѣнію, надобно сознаться, что содержаніе этой послѣдней было очень незначительно; ея отношеніе къ дѣйствительности было въ высшей степени жалко, а препятствія, подымавшіяся со всѣхъ сторонъ и мѣшавшія ея развитію, были до такой степени сильны, что мы имѣемъ полное право назвать эту мысль, по вѣрному выраженію поэта — «плѣнною». Условій для ея существованія было чрезвычайно мало. Наши школы были въ незавидномъ состояніи; они давали слишкомъ ограниченное знаніе, а слѣдовательно и самый слабый матеріалъ для жизни; онѣ не могли дать никакого руководства для жизни, никакой силы человѣку для борьбы съ преобладающею стороною ея. Политическія волненія западной Европы въ 1848 году, съ которыми ничего общаго не имѣла Россія, оказали вредное вліяніе на состояніе нашего образованія, на разумъ цѣлой страны, пониженный и подавленный административными мѣрами того времени. Послѣднія вытекали изъ ложно-понятаго смысла тогдашнихъ политическихъ волненій Европы и на науку, на ученье и образованіе объявлено было гоненіе. Объемъ гимназическаго курса былъ укороченъ чрезвычайно невыгодно для страны; входъ въ университеты былъ затрудненъ; число студентовъ было ограничено и самое существованіе университетовъ было очень непрочно, такъ какъ въ высшихъ сферахъ правительственныхъ ходили и находили внимательныхъ слушателей проэкты объ уничтоженіи университетовъ. Наука и мысль были въ загонѣ и вредныя слѣдствія ихъ преслѣдованія сказались потомъ. За то изо-моральная линія, дѣлящая общество, была въ ту пору сильно подвинута въ сторону наслажденія; послѣднее брало рѣшительный перевѣсъ и человѣкъ, сходя съ университетской скамейки, разомъ забывалъ немногія честныя теоріи, выслушанныя имъ случайно и совершенно подчинялся жизни, для которой не требовалась умственная работа. Ни политической, ни общественной жизни, въ смыслѣ удовлетворенія потребностей общества, въ странѣ нашей тогда не было. Возможности дѣльной работы не представлялось и, если и выдвигались случайно люди, отдавшіе себя труду умственному, то во первыхъ они составляли замкнутую касту, образовывали отдѣльные

кружки, въ которые не всякому былъ доступенъ входъ, а во вторыхъ они говорили съ обществомъ такимъ условнымъ языкомъ, порожденнымъ тогдашними цензурными обстоятельствами, что понимать его могъ не всякій. Мысль была робка, одинока и не ясна. Ей не было случая войти въ непосредственную связь съ жизнію и повѣрить себя въ примѣненіи къ дѣйствительности Притомъ она не дома воспитывалась, а жила по прежнему тѣмъ, что выносила изъ западной школы. Люди мысли были развиты по-европейски; они знали послѣднее слово западной науки и были чужими посреди роднаго міра точно также, какъ ихъ соперники и враги, порожденіе тогдашнихъ обстоятельствъ—славянофильская партія, ища дѣйствительности и не находя ея въ настоящемъ, недовольная имъ, бросилась въ прошедшее, въ міръ, который невозможно было воскресить, да и не стоило того.

У этой мыслящей стороны русскаго общества, были свои любимыя созданія литературныя, свои типы, которыми воспитывалась мысль по отношенію къ дѣйствительности, сквозь призму которыхъ она смотрѣла на послѣднюю. Кто не знаетъ могущественнаго вліянія Гоголевскихъ типовъ на воспитаніе мысли въ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ? Передъ кѣмъ не встаютъ эти типы, взаимное созданіе глубокаго таланта и русской дѣйствительности, полные правды и потрясающаго юмора, оставляющіе въ душѣ безотрадное чувство? Въ то время, какъ наслаждающаяся часть русскаго общества хохотала самодовольно и беззаботно надъ высоко-комическими образами Гоголя, другая, мыслящая часть, разглядѣла, по его выраженію «сквозь видимый смѣхъ невидимыя міру слезы». Она поняла, что источникъ этихъ пошлыхъ, печальныхъ типовъ надобно искать не въ случайно настроенной личности поэта, а въ настоящей дѣйствительности, которая только ихъ однихъ и могла тогда создать, которая была неспособна на явленія отрадныя. Передъ читателемъ развертывалась печальная пустыня «мертвыхъ душъ», цѣлая галлерея портретовъ, исполненныхъ въ высшей степени художественно, но безобразныхъ по внутренному содержанію и вмѣстѣ съ тѣмъ влекущихъ къ себѣ неотразимою правдою. Критика успѣла тогда объяснить эту мысль самому поэту, которому, въ его процессѣ непосредственнаго творчества, конечно не могли приходить въ голову

послѣдніе выводы изъ его геніальныхъ созданій. Самъ несчастный поэтъ испугался этихъ выводовъ; слабый волею, изнуренный болѣзнію, подъ вліяніемъ фанатическихъ друзей, его окружавшихъ, онъ увидѣлъ, какое безотрадное отношеніе къ русской жизни порождаетъ чтеніе его глубоко-задуманныхъ созданій; онъ взглянулъ на себя, какъ на преступника, какъ на развратителя мысли и думалъ поправить дѣло новымъ, противоположнымъ усиліемъ таланта. Но послѣдній, уживаясь только съ правдою, оказался безсильнымъ въ созданіи ложно-задуманнаго. Вмѣсто дѣйствительныхъ типовъ поднялись типы ложные, насильственные, лишенные правды, и въ порывѣ негодованія на себя, поэтъ сжегъ свою рукопись передъ смертію, которая ускорена была внутреннею борьбою и печальнымъ непониманіемъ смысла своихъ прежнихъ произведеній.

Откуда это отрицательное отношеніе нашей литературы къ дѣйствительности, замѣтное во всѣхъ періодахъ ея развитія, отличающее каждый литературный талантъ нашъ, если только онъ встанетъ въ непосредственное отношеніе къ жизни и не будетъ развивать напыщеннаго, риторическаго содержанія? Почему въ литературѣ нашей въ каждомъ, сколько нибудь лучшемъ талантѣ нашемъ, мы непремѣнно встрѣчаемъ сатиру, негодованіе, отрицаніе или по крайней мѣрѣ насмѣшку? Это отрицательное отношеніе литературной мысли къ явленіямъ жизни можетъ быть объяснено самымъ характеромъ нашего образованія и положеніемъ его въ странѣ. Мысль господствующая въ нашей литературѣ и подымающаяся надъ жизнію съ своими судейскими приговорами должна была встать въ такое отношеніе по необходимости, потому что она не выросла на родной почвѣ, не была продуктомъ жизни, а пришла со стороны и со стороны лучшей. Воспитавшись не дома и воротившись домой, она невольно должна была возмущаться окружавшими ее явленіями, неудовлетворяющими ея болѣе высокой, идеальной нормѣ. Едва только, въ отдаленную пору нашей исторіи, пришло къ намъ изъ Византіи христіанство, какъ цѣлый и чрезвычайно богатый міръ народной поэзіи и народныхъ обычаевъ принесенъ былъ въ жертву высокой идеѣ. Христіанская мысль явилась обличительницею темнаго языческаго быта, за который держалось

упорно общество древней Руси и въ теченіе древняго періода нашей словесности мы видимъ длинный рядъ обличеній, направленныхъ на русскую жизнь. Замѣчательно, что обличенія эти не измѣнились въ своемъ содержаніи въ продолженіе многихъ вѣковъ и въ XII вѣкѣ они нападали на тѣ же явленія, что и въ XVII вѣкѣ. Съ началомъ XVIII вѣка въ государственной жизни нашего отечества произошелъ переворотъ столь же великій по своему вліянію на русскую духовную жизнь и по своимъ послѣдствіямъ, какъ и введеніе христіанства—реформа или преобразованіе Петра В. Въ угоду европейской жизни, ея формамъ, ея мысли принесено было все восьмивѣковое существованіе Россіи. Чужая мысль встала надъ жизнію, сдѣлалась судьею ея и жаркою обличительницею. Все хорошее приходило съ Запада, все свое считалось дурнымъ и порочнымъ. Дѣйствительно, древняя Русь, въ своемъ отчужденіи отъ общаго успѣха человѣческаго, представляла темный міръ, въ которомъ все было извращено, въ которомъ не существовало самыхъ простыхъ понятій нравственности. Сатирѣ и обличенію былъ полный просторъ, и вслѣдъ за ломкою стараго въ Петрово время, съ его извѣстнаго проповѣдника Ѳеофана Прокоповича и съ перваго сатирика-поэта Кантемира и до нашихъ дней, тянется опять длинный рядъ обличеній, сатирическихъ выходокъ, отрицательныхъ литературныхъ типовъ. Справедливо, что въ этомъ направленіи было больше жизни, что оно ближе относилось къ дѣйствительности и лучше понимало ее, чѣмъ идущее съ нимъ рядомъ — риторическое, но какой плодотворный результатъ для жизни вышелъ изъ этого сатирическаго направленія? Гдѣ плоды этого благороднаго негодованія бичующей сатиры? Къ сожалѣнію, безпристрастный историкъ, собирая результаты новаго длиннаго ряда обличеній и отдавая полную справедливость благонамѣренному направленію обличителей, долженъ однакожъ придти къ тому убѣжденію, что литературная сатира и обличеніе ровно ничего не сдѣлали для общественной нравственности и не подняли ее ни на одинъ градусъ выше. Измѣнились можетъ быть формы пороковъ и недостатковъ, но сущность ихъ осталась одна и таже. Только въ томъ отношеніи и любопытна наша безплодная сатира, въ какомъ умный врачъ любознательно слѣдитъ за одной и той же болѣзнію въ разные пе-

ріоды исторіи: ея симптомы и явленія измѣнились; они не тѣ въ XIX вѣкѣ, что были, напр. въ XVI, но сущность болѣзни осталась таже; она также подрываетъ организмъ и также умираютъ отъ нея люди.

Что же доказываетъ это явленіе безплодности нашей многовѣковой сатиры? Или ея безсиліе или безнадежность самой жизни? Отвѣчать на этотъ вопросъ положительнымъ и чистосердечнымъ образомъ весьма трудно: въ отвѣтѣ могутъ быть затронуты вещи самыя дорогія. Одно ясно и доказано всею человѣческой исторіей: сатира не предвѣщаетъ ничего хорошаго, ея явленіе не есть признакъ жизни и силы, а смерти и разрушенія. Сатира является на историческихъ гробахъ. Знаменитая комедія Аристофана возникла тогда въ аоинскомъ обществѣ, когда всѣ основанія прежней государственной и общественной нравственности рушились; римская сатира появилась въ самый развратный и печальный періодъ императорскаго Рима; Донъ-Кихотъ, эта глубокая сатира на когда-то славное европейское рыцарство, писался тогда, когда послѣднее умирало и перерождалось въ дикія и смѣшныя явленія; комедія Бомарше поднялась наканунѣ французской революціи; въ ея остроумныхъ выходкахъ мы видимъ послѣдніе, смертельные и добивающіе удары французскому обществу XVIII вѣка, которое разсѣяно было революціонною бурею. Такъ было вездѣ: сатира—предвѣстникъ гибели и изучающему болѣе глубоко сатиру въ ея появленіи въ мірѣ исторіи очень хорошо извѣстно ея содержаніе. Посмотрите: во имя чего раздается ея негодованіе и пишется обличеніе? У сатиры, гдѣ бы она ни явилась, или нѣтъ никакихъ идеаловъ, которые она желала бы провести въ жизнь и измѣнить ее согласно имъ; или идеалы ея—старые, схороненные давно самою жизнію. Вглядитесь въ смыслъ и содержаніе нашей сатиры и вы не найдете въ ней идеаловъ; въ ней нѣтъ ничего, чтобы она ставила вмѣсто разрушаемаго. Высокія стремленія ея видѣла только увлеченная критика. Наша сатира—похожа на старика-брюзгу; его негодованіе справедливо, но въ немъ самомъ нѣтъ силы сдѣлать изъ себя живой образецъ для подражанія. Во всякой сатирѣ—старческая немощь и безсиліе; она не даетъ обществу никакого будущаго.

Умные иностранцы, ставшіе недавно изучать нашу литературу, хорошо подмѣтили въ ней это невыгодное преобладаніе сатирическаго направленія. «Вы говорите, утверждаютъ они, что ваше общество молодо и исполнено свѣжихъ силъ и стремленій, что жизнь Россіи вся впереди, вся въ будущемъ. Но на порогѣ вашей новой литературы подымается безотрадная сатира; она подрываетъ всѣ основанія вашего быта; у ней страшный избытокъ матеріала для осмѣянія и гдѣ же признаки свѣжей жизни, которою вы такъ хвалитесь? Укажите намъ хоть на одинъ литературный типъ, созданный русскимъ поэтомъ и народнымъ духомъ, въ которомъ были бы сохранены эти блестящія, молодыя свойства и который подымалъ бы грудь вашихъ юношей чувствомъ соревнованія, который звалъ бы ихъ не для отрицанія жизни и насмѣшки надъ нею, а для полезнаго дѣйствія. Посмотрите, какъ богаты наши литературы благородными, свѣтлыми типами, какъ наша сатира, являясь въ извѣстные, необходимые историческіе періоды, дѣлаетъ свое дѣло, помогаетъ общему развитію, очищая мѣсто для новыхъ, отрадныхъ литературныхъ созданій. Ничего такого нѣтъ у васъ. Вы воюете и обличаете, но не создаете; вы ничего не приносите въ жизнь и насмѣшка ваша, обращенная къ жизни, есть грустная и печальная насмѣшка надъ вами самими, безсильными стариками».

Въ нашей литературѣ и критикѣ сдѣлалось общимъ и теперь уже совершенно пошлымъ мѣстомъ покланяться нашей сатирѣ, видѣть въ ней гражданскія доблести, приписывать ей участіе въ историческомъ развитіи нашего общества. Нельзя спорить, что благородное негодованіе сатиры похвально, что ея раздраженіе вытекало изъ чистаго источника, что она хотѣла помочь дѣлу нашей жизни, но указать на практическіе результаты ея—нѣтъ никакой возможности. Исправила ли сатира наша хоть одного взяточника и научила ли она людей служащихъ обращаться честнымъ образомъ съ казенными деньгами и казеннымъ интересомъ? Уничтожила ли она сколько нибудь поразительное невѣжество и нелюбовь къ знанію, господствующія въ нашемъ обществѣ и на каждомъ шагу порождающія пошлость? Уменьшила ли она число зеленыхъ столовъ, каждый вечеръ раздвигаемыхъ и поглощающихъ всю энергію нашего общества? Внушила ли

она равнодушному, своекорыстному большинству желаніе заняться общественнымъ дѣломъ и прогнать свою лѣнь и зѣвающую апатію? Научила ли она разумному пониманію нравственности, состоящей не въ внѣшнихъ формахъ и обрядахъ а въ внутреннемъ развитіи? и проч. Такихъ вопросовъ по отношенію къ тому, противъ чего возставала наша сатира, можно поставить тысячи и на каждый изъ нихъ отвѣчать отрицательно. Сколько поколѣній смѣялось надъ типами Фонъ-Визина, Грибоѣдова, Гоголя, а вглядѣвшись пристальнѣе, мы снова увидимъ старыхъ знакомыхъ кругомъ насъ и легко убѣдимся, что общество наше не далеко ушло въ нравственномъ развитіи, что не сатира сломала старыя условія быта, въ которомъ былъ такой просторъ безнравственности, а скорѣе административная власть. Нѣтъ, сатира не сдѣлала ничего для насъ, ея бичъ хлесталъ по воздуху, а не по дѣйствительности и давно пора убѣдиться, что не «жалкія слова», а кое-что посущественнѣе исправляетъ общественные нравы. На такое исправленіе сатира безсильна и старому опредѣленію ея, что она ridendo castigat mores–могутъ вѣрить развѣ школьники да риторы.

А между тѣмъ преобладаніе въ нашей литературѣ сатирическаго направленія, почти исключительнаго, было по нашему мнѣнію вредно для русскаго общества, какъ для той половины его, которая наслаждалась, такъ и для мыслящей. Постоянная сатира, постоянная насмѣшка, въ слѣпомъ рвеніи своемъ заходили иногда такъ далеко, что нападали на предметы дорогіе и священные. Всякій считалъ себя сатирикомъ, всякій имѣлъ притязаніе быть общественнымъ проповѣдникомъ нравственности съ своей точки зрѣнія и всякій смѣялся, не разбирая предмета своего смѣха. Насмѣшка сдѣлалась атмосферою нашей общественной жизни и ею удовлетворялись всѣ: она была такимъ легкимъ, подвижнымъ и блестящимъ орудіемъ, такъ легко давала славу насмѣшнику. Мы смѣялись надъ всѣмъ, надъ чужимъ и своимъ и особенно въ томъ случаѣ, когда не понимали смысла явленій: насмѣшкою такъ легко отдѣлаться и всякому кажется, что за ироническою улыбкою губъ скрывается пропасть ума. Ни въ одномъ обществѣ, даже не исключая французскаго, которое славится своею насмѣшливостію, не была такъ распространена насмѣшка, какъ въ на-

шемъ. Она не щадила ничего и своимъ частымъ употребленіемъ ярко выставляла на видъ глубокій развратъ мысли, ея безсиліе и бездѣйствіе, общественную спячку. Что же дала эта насмѣшка нашему обществу? Она подрывала и подорвала всякіе порывы молодости, всякое стремленіе къ идеаламъ; она отняла у людей возможность дѣлать общественное дѣло и принимать въ немъ участіе; всякій боялся насмѣшки, всякій прятался въ уголъ. Она самовластно царила въ обѣихъ половинахъ нашего общества и въ то время, какъ наслаждающаяся часть его смѣялась надъ всѣмъ святымъ, надъ знаніемъ, наукою, истиною, свободою,—мыслящая, подъ вліяніемъ господствующаго сатирическаго направленія, смѣялась надъ самой собой! Положеніе въ высшей степени безотрадное.

Мысль, насмѣшливо обращенная внутрь себя, сознавая свое безсиліе въ окружающемъ мірѣ, разразилась желчью и негодованіемъ въ поэзіи. Чувства эти были совершенно понятны. Недовольная окружающими ее явленіями общественной жизни, будучи не въ состояніи передѣлать ихъ и оказать на нихъ нравственное вліяніе, негодуя на свое безсиліе и вмѣстѣ съ тѣмъ исполненная живой и дѣятельной любви къ той части русскаго общества, которую мы назвали *страдающею*, части, появлявшейся въ литературѣ только въ идеальныхъ представленіяхъ, она вылилась въ чрезвычайно скорбные звуки. Эта «плачущая, скорбящая» и «болящая» муза, по выраженію главнаго представителя этой поэзіи, была «печальною спутницею

печальныхъ бѣдняковъ,
Рожденныхъ для труда, страданья и оковъ».

Ея «простой напѣвъ» былъ «полонъ тоской и вѣчной жалобой». Она вела поэта «чрезъ бездны темныя насилія и зла, труда и голода».—Эта муза «мести и печали»–«кипѣла злобою». Удивительныя картины безсмысленнаго страданія, задавленной и поруганной человѣческой жизни, вторящія печальной и однообразно-унылой природѣ той безконечной сѣверной равнины, на пространствѣ которой развернулась эта жизнь, выходили изъ подъ пера поэта, всегда вѣрнаго своему направленію. Онъ самъ глубоко-поэтически выразилъ отношеніе своей скорбной поэзіи къ родной природѣ:

«Коли намъ такъ писалось и пишется,
Значитъ есть и причина тому!

Не заказано вѣтру свободному
Пѣть тоскливыя пѣсни въ поляхъ,
Не заказаны волку голодному
Заунывные стоны въ лѣсахъ.
Спокон вѣку дождемъ разливаются
Надъ родной стороной небеса,
Гнутся, стонутъ, подъ бурей ломаются
Спокон вѣку родные лѣса,
Спокон вѣку работа народная
Подъ унылую пѣсню кипитъ,
Вторитъ ей наша муза свободная,
Вторитъ ей—или честно молчитъ».

Всякому понятно, какое сильное дѣйствіе должны были производить эти полные печали звуки на ту незначительную часть русскаго общества, которая жила мыслію и чуждалась общепринятой формы наслажденія. Образами этой поэзіи, возбуждавшимися ею чувствами воспитывалось молодое поколѣніе съ начала пятидесятыхъ годовъ, покуда было оно молодо, покуда не успѣло подчиниться власти наслажденія. Остаться однакожъ при однихъ тоскующихъ и скорбныхъ звукахъ—было невозможно. Негодованіе и отрицаніе были безсильны для дѣйствія. Поэтъ былъ совершенно правъ, увѣряя, что

«Кто живетъ безъ печали и гнѣва,
Тотъ не любитъ отчизны своей»;

но выраженія печали и гнѣва, привычныя въ русской поэзіи какъ художественной такъ и народной, — все таки принадлежали къ категоріи разговоровъ, изъ которыхъ не выходило ничего. Возбуждая воображеніе, наполняя сердце глубокимъ недовольствомъ окружающимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неопредѣленною жаждою чего-то лучшаго, они не давали выхода въ дѣйствительность, не наполняли ничѣмъ головы, которая по прежнему оставалась пустою и не развязывали рукъ для дѣятельности. Поэтъ говорилъ, что

«Онъ проповѣдуетъ любовь
Враждебнымъ словомъ отрицанья»—

и на каждой страницѣ можно встрѣтить у него эту любовь, но идеалы этой любви были выражены до крайности неясно

и неопредѣленно. Положимъ, что самъ поэтъ не былъ виноватъ въ этихъ отрицательныхъ свойствахъ своей поэзіи: они условливались временемъ, положеніемъ его поэзіи въ обществѣ и самимъ этимъ обществомъ, бо́льшая часть котораго жила сложа руки и не шевеля мыслію. Поэтъ говорилъ о вольныхъ впечатлѣніяхъ жизни, будилъ въ душѣ человѣческія стремленія, говорилъ о братствѣ, истинѣ, свободѣ и эти звенящіе звуки едва раздавались въ мертвомъ и неподвижномъ воздухѣ, какъ бы прилетая съ далекаго счастливаго берега. Въ молодомъ сердцѣ они возбуждали непонятную тоску; въ головѣ бродили неясные образы другой жизни, непохожей на дѣйствительность. Надъ наслаждающеюся частію общества они пролетали уже совершенно, какъ непонятные звуки; они никого не воспитали, никому не дали любви, никого не оторвали отъ наслажденія, потому что общество воспитывается не звуками поэзіи, не ея неопредѣленными представленіями, а другими началами, болѣе существенными. Отрицаніе и скорбь, наталкиваясь на дѣйствительность, порождали только безвѣріе въ свои силы, безвѣріе въ жизнь и разрѣшались—*разговорами*, своего рода безсмысленною карточною игрою въ сферѣ мысли. Конечно «муза мести и печали», — отдадимъ ей полную справедливость, — призывала и къ дѣятельности, звала въ огонь «погибнуть безупречно» «за честь отчизны, за убѣжденье, за любовь», но ни самая муза, ни призываемые ею, не могли дать себѣ яснаго отчета въ чемъ именно состояла честь отчизны, изъ чего слагались убѣжденья и къ кому и къ чему была направлена любовь. Призываемые проводили время въ безплодныхъ разговорахъ о своихъ убѣжденіяхъ и идеалахъ любви; они «искали себѣ исполинскаго дѣла», когда оно было подъ рукою и жили смутными представленіями о благѣ своей родины, не имѣя о ней никакого яснаго понятія и будучи совершенно неспособны къ какой либо дѣятельности, воспитавшись на словахъ, а не на знаніи.

Въ такомъ положеніи было русское общество въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ. Ни въ наслажденіи, ни въ страданіи, ни въ мысли не было никакой перемѣны въ теченіе многихъ лѣтъ. Только въ послѣдней, по самому свойству ея, происходило внутреннее броженіе, безсильное для того чтобъ вылиться наружу, чтобъ произвести дѣйствіе. Русская жизнь,

казалось, застыла въ извѣстныхъ, памятныхъ намъ формахъ, потому что событія относятся къ недавно пережитому времени. Возбудительный толчекъ послѣдовалъ съ другой, внѣшней стороны и послѣдовалъ грубо и тяжело. Въ далекомъ углу русскаго царства, у стѣнъ вѣчнопамятнаго города, началась тяжкая и кровавая война съ Европой изъ за причинъ не совсѣмъ понятныхъ русскому обществу, но эта война, силою обстоятельствъ, потребовала отъ него страшнаго напряженія силъ и подѣйствовала возбудительно. Масса русскаго золота, цѣлыя рѣки русской крови, вся прежняя система были поглощены войною. Могущественный призывъ къ дѣятельности, напряженіе силъ, рядъ неудачъ, доказавшихъ безплодность прежней системы, безсиліе прежнихъ, долгихъ и упорныхъ усилій, привели къ неожиданному повороту въ русской исторіи, разбудили мертвымъ сномъ спящую жизнь и измѣнили положеніе русскаго общества. Все зашевелилось разомъ. Изоморальная линія вдругъ измѣнила свое положеніе и заколебалась. Испугалась наслаждающаяся часть общества точно молніи и грома, грянувшихъ неожиданно. Она поблѣднѣла вдругъ, какъ блѣднѣютъ краски ночнаго пира при разсвѣтѣ яснаго дня. Естественно, что пространство занимаемое мыслію въ русскомъ обществѣ должно было расшириться. Мысль возбуждалась дѣйствіемъ міровыхъ событій, безчисленными требованіями новой, пробужденной жизни и своимъ новымъ положеніемъ. Отъ нея требовали очень многаго, отъ нея надѣялись участія въ новой жизни. Литература, загнанная прежде и едва существовавшая, теперь подняла голову и стала идти, откликаясь на требованія жизни, рядомъ съ нею. Замѣтить надобно, что ея сравнительно лучшее положеніе теперь, зависѣло и отъ того, что сама власть взглянула на нее болѣе снисходительно, и догадываясь, что литература есть сила, какъ выраженіе общественнаго мнѣнія, дала ей относительно бо́льшую свободу выраженія.

Кто не помнитъ этихъ недавнихъ пяти–шести лѣтъ броженія русской жизни, послѣдовавшихъ за крымскою войною и пережитыхъ нами съ вѣсьма разнообразными чувствами, смотря потому съ какой точки зрѣнія относились мы къ этому броженію, чего ожидали отъ него и чего боялись въ немъ. Въ началѣ этого движенія, общій порывъ овладѣлъ, казалось,

русскимъ обществомъ, со всѣми его оттѣнками Всѣ привѣтствовали новое движеніе, которое такъ много обѣщало и захватывало почти всѣ стороны жизни. Тяжелые уроки войны принесли пользу русскому обществу: оно очнулось на время отъ своего долгаго сна и вдругъ, неожиданно для него самаго, пришло къ движеніе. Ясна стала для всѣхъ неудовлетворительность прежнихъ основаній жизни и мы, когда-то гордо твердившіе о томъ, что идемъ въ уровень съ европейскою цивилизаціей, утѣшаясь псевдо-патріотическими фразами, сочиненными людьми, выдававшими себя за настоящихъ патріотовъ, съ удивленіемъ увидѣли, что наше развитіе до крайности было ничтожно, что по прежнему мы перенимали только формы Европы, ничего не сдѣлавъ для внутренняго содержанія всякаго развитія, даже въ матеріальномъ отношеніи. Вдругъ въ текущей литературѣ нашей стали появляться *вопросы* за вопросами: они задавались жизнію. Въ странѣ не было ни путей сообщенія, ни капиталовъ и предпріимчивости, которые бы помогли къ устройству ихъ; въ странѣ образованіе находилось въ самомъ жалкомъ состояніи; у насъ заведены были всѣ формы этого образованія, извѣстныя Европѣ, но внутреннее содержаніе ихъ было крайне слабо. Гимназіи, съ своимъ неопредѣленнымъ составомъ обученія, подвергаясь съ каждымъ годомъ системѣ укорачиванія этого обученія, давали самые жалкіе обще-образовательные элементы. Университеты держались не наукою, но случайными личностями. О состояніи образованія народа, нисшихъ классовъ городскаго народонаселенія, войска, ремесленниковъ, фабричныхъ и проч. и говорить нечего. Глубокое невѣжество и грубость растлѣвали народную нравственность. Воспитаніе женщины было еще печальнѣе; оно слагалось изъ внѣшнихъ блестящихъ игрушекъ и женщина приготовлялась не къ дѣйствительной жизни, а къ чему-то фиктивному и въ высшей степени лишенному содержанія. Вся цѣль этого образованія состояла въ томъ, чтобъ изъ женщины сдѣлать не умную мать и воспитательницу дѣтей своихъ, не разсудительную помощницу мужу, а свѣтскую барыню, для которой жизнь слагается не изъ разумнаго труда, а изъ ряда пустыхъ удовольствій. Въ такихъ же печальныхъ краскахъ представлялось и устройство нашего суда и экономическій бытъ народа, котораго бо́льшая часть служи-

ла только для эксплоатаціи или владѣвшихъ или управлявшихъ имъ. Будущее подымалось въ очень мрачномъ видѣ и надъ нимъ стоило серьезно подумать и поискать средствъ для предотвращенія грозящей опасности.

Въ ту пору возникло понятіе о *гласности*. Она конечно не была созданіемъ русской жизни, а высокаго развитія европейской гражданственности, гдѣ періодическая печать дѣлаетъ свое дѣло и помогаетъ государству всѣми своими богатыми средствами. У насъ она явилась временною потребностію кризиса, происходившаго въ жизни: требовалось освѣтить эту жизнь всю, начиная отъ высшихъ точекъ и кончая всегда темными углами, для того, чтобъ знать ея содержаніе и получить возможность дѣйствія. Но была ли готова наша мысль и наша литература для этого запроса, о которомъ она никогда не думала? Были ли въ ней силы и знанія, чтобъ удовлетворить требованіямъ жизни? На вопросы эти, при всемъ уваженіи къ нашей литературѣ, которая всегда шла впереди нашего умственнаго развитія, мы должны къ сожалѣнію отвѣчать отрицательно. Всегда спеленанная, всегда робкая и запуганная, она не вдругъ могла сознать свое значеніе, свою силу и свое близкое отношеніе къ дѣйствительности, возможность дѣйствовать на нее. Литература, поосвободившись, принялась преимущественно за то, къ чему она привыкла, за свое прежнее дѣло—обличеніе, которое и прежде составляло отличительный характеръ ея. Это направленіе, получившее теперь полный просторъ, разумѣется не могло довольствоваться тѣми незначительными по числу и слабыми по высказываемому ими направленію органами гласности, которые едва существовали у насъ въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ. Съ 1857 года стала плодиться у насъ журнальная дѣятельность; каждый годъ, въ теченіе пяти лѣтъ, приносилъ съ собою появленіе новыхъ журналовъ. Запросъ на мысль, на журнальныя статьи, съ прямымъ отношеніемъ къ дѣйствительности—былъ очень силенъ. Вся литература превратилась, казалось, въ журнальную дѣятельность; ея содержаніе было или насущные вопросы жизни или обличеніе темныхъ сторонъ ея; отъ повѣсти, отъ стихотворенія, отъ статьи научнаго содержанія и отъ губернскихъ корреспонденцій требовали одного и того же: обличенія и раскрытія невѣдомыхъ русскому міру тайнъ и печалей его. Граж-

данскій пафосъ, частію истинный, частію напущенный овладѣлъ всѣми. Литература вступила въ прямое и непосредственное отношеніе къ жизни. Ея произведенія наполнялись не оторванными отъ дѣйствительности типами, а хотѣли помогать дѣлу жизни, давали то, чего требовала она.

Указать однакожъ прямое воздѣйствіе этой новой литературной дѣятельности на явленія самой жизни и на тѣ реформы, которыя одновременно съ литературнымъ движеніемъ предлагало и осуществляло правительство,—весьма трудно, хотя источникъ обоихъ явленій былъ одинъ и тотъ же. Литература дѣлала свое дѣло, на сколько она была приготовлена къ нему, на сколько было у ней въ распоряженіи умственныхъ силъ, но нельзя сказать, чтобы она много сдѣлала для тѣхъ реформъ, которыя взяло на себя правительство. Не обладая значительными талантами, не будучи приготовлена правильною и развитою школою, мало знакомая съ практическими потребностями жизни, она раздѣлилась въ дѣлѣ реформъ и преобразованій на два враждебные лагеря: одинъ состоялъ изъ людей, которые съ поддѣльнымъ восторгомъ относились ко всему тому, что являлось въ жизни и на чемъ лежала печать новаго времени. Восторгъ этотъ доходилъ до приторности и кому случайнымъ образомъ приводилось въ настоящее время перечитывать такъ еще близкія къ намъ, но уже принадлежащія прошедшему, прозаическія и поэтическія восхваленія гласности, воскресныхъ школъ, многочисленныхъ реформъ, которыя должны были появиться, тотъ вѣрно согласится въ испытываемомъ имъ теперь непріятномъ ощущеніи отъ всей этой ненужной и дѣтской болтовни. Другой лагерь былъ совершенно противоположнаго свойства. Къ нему принадлежали такъ называемые отрицатели, съ недовѣріемъ смотрѣвшіе на все окружавшее. Надобно замѣтить, что къ этому лагерю принадлежало болѣе талантливыхъ людей; у него было въ распоряженіи болѣе дѣйствительныхъ, свѣжихъ силъ, и недоговоренное, не имѣющее свободы высказаться вполнѣ, таинственное, обѣщающее подъ своимъ холодомъ какой-то далекій и страстный идеалъ, это отрицаніе должно было сильнѣе дѣйствовать, чѣмъ безсодержательная напыщенность. Послѣдняя пріѣдалась скоро. Отрицаніе же было разнообразно и относилось ко всему въ окружающей жизни; увлекаясь, оно ста-

ло доходить до крайностей. Нападая на ложную форму науки и забывая, что у насъ собственно нѣтъ никакой науки, а только болѣе или менѣе талантливые переводы съ чужаго, иные отрицатели договорились до неуваженія къ знанію вообще; нападая на ложный характеръ искусства, договорились до отрицанія всякаго искусства въ странѣ, въ которой и не было его въ смыслѣ историческаго явленія жизни и т. д. Мы не придаемъ никакого реальнаго значенія этимъ нападеніямъ, но объ нихъ стоитъ упомянуть, какъ о необходимыхъ фазисахъ литературнаго движенія послѣднихъ годовъ, какъ объ явленіяхъ, шедшихъ рядомъ съ восторженными пѣснопѣніями въ честь русской гласности въ ту пору, когда послѣдняя занималась только обличеніемъ неизвѣстныхъ мелкихъ чиновниковъ въ неизвѣстныхъ городахъ или обыкновенными скандалами провинціальныхъ клубовъ.

Три года тому назадъ русское общество, въ виду польскаго возстанія и подъ вліяніемъ другихъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ, испугалось повидимому явленій отрицанія, возникшихъ въ средѣ его же самаго. Извѣстный романистъ, болѣе двадцати лѣтъ любимый писатель русскаго общества, съ такимъ талантомъ и чувствомъ рисовавшій красивыя картины русской природы и выводившій въ своихъ повѣстяхъ типы изящныхъ русскихъ болтуновъ и непосредственно-страстныхъ русскихъ женщинъ, увлекающихся этими болтунами, желавшій слѣдить въ послѣдніе годы за движеніемъ и развитіемъ русскаго общества, вдругъ выставилъ передъ нимъ типъ отрицателя въ реальныхъ вопросахъ жизни, сдѣлалъ его принадлежащимъ къ молодому поколѣнію и поставилъ его въ антагонизмъ съ поколѣніемъ отживающимъ, съ отцами. Главный недостатокъ этого послѣдняго произведенія талантливаго романиста состоялъ въ томъ, что его созданіе было преднамѣренно, задумано и исполнено съ умысломъ, но романистъ задался мыслію слѣдить за русскою жизнію, ея развитіемъ и волненіями. Онъ думалъ, что типъ выхваченъ имъ прямо изъ жизни. Здѣсь не мѣсто развивать вопросъ о томъ, на сколько былъ вѣренъ дѣйствительности этотъ пресловутый типъ, хотя мимоходомъ нельзя не замѣтить, что цѣлая журнальная партія встала подъ знамена этого типа, выбрала его образцемъ и обо всемъ говорила его словами.

Безпристрастно перечитывая этотъ знаменитый романъ, который въ исторіи движенія русской жизни, займетъ со временемъ свое историческое мѣсто, перечитывая теперь, когда прошло три года и можно спокойнѣе оглянуться на прошлое, мы убѣждаемся, что талантливому романисту недоставало любви въ созданіи своего типа, что въ немъ съ умысломъ сосредоточивалъ онъ тѣ стороны, которыхъ онъ не понималъ и считалъ дурными и выставляя своего героя совершенно новымъ явленіемъ, онъ не умѣлъ связать его съ цѣлою жизнію, съ цѣлымъ обществомъ. Онъ забылъ, что его отрицатель глубоко связанъ съ родною дѣйствительностію и что его антагонисты—отцы, говорящіе о принципахъ—только *говорятъ* о нихъ, и не имѣютъ представить ничего дорогаго и святаго, за что бы стоило бороться съ отрицающимъ поколѣніемъ. Общество однакожъ, встало на сторону отцовъ и осудило молодое поколѣніе. Мы не станемъ разбирать послѣдствій этого осужденія, но обвиняя другихъ въ оскорбленіи чего-то священнаго, обвинители должны были бы показать—въ чемъ состоитъ оскорбленная святыня и что они сами уважаютъ. Общество, привыкшее только къ отрицанію и комизму, не укажетъ этой святыни.

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ у насъ положительные элементы нашего общества, которые бы стоило отстаивать и на которые дѣйствительно сдѣлано было только теперь нападеніе? Не видимъ ли мы вмѣсто настоящей жизни передъ собою полнѣйшей апатіи, сдѣлавшейся наслѣдственнымъ порокомъ и переходящей изъ рода въ родъ, отъ одного поколѣнія къ другому? Какіе интересы соединяютъ наше общество? Это не интересы политическіе, потому что въ странѣ нѣтъ политической жизни; это не интересы общественные и гражданскіе, потому что *земскія силы* только въ самое послѣднее время зашевелились, и то подъ вліяніемъ всемогущаго призыва власти и будущее ихъ, ввѣренное вѣковой исторической апатіи, сильно заставляетъ опасаться за себя; это не интересы науки, потому что общество необразованно и умственный уровень его приводитъ къ мысли, что оно смотритъ еще на образованіе, не въ внутреннемъ значеніи его для развитія, что и сказалось въ взглядѣ общества на вопросъ о классическихъ и реальныхъ гимназіяхъ, о которомъ въ поученіе обществу цѣлый годъ твердила ежедневная пресса. Наука и образованіе до сихъ поръ интересо-

вали наше общество только тѣми льготами и преимуществами, которыя давали они на службѣ. Какіе же интересы соединяютъ наше общество? Къ сожалѣнію приходится говорить правду и сказать, что элементы, собирающіе наше общество въ одно цѣлое—самаго разрушительнаго свойства; это элементы, отрицающіе жизнь, убивающіе и разъѣдающіе ее, элементы ничего-недѣланія, лѣни и апатіи, элементы наслажденія. Наслаждающаяся часть общества составляетъ главное ядро жизни, все остальное рвется къ ней, силится подражать ей и мало цѣнитъ человѣческое достоинство труда. Не рѣдкость ли въ этомъ обществѣ люди, строго исполняющіе свой долгъ и всецѣло отданные его исполненію? Не хочетъ ли каждый изъ насъ скорѣе отдѣлаться отъ заданной, механически воспринятой и нелюбимой работы, чтобъ отдаться наслажденію? Какое общество богаче русскаго насмѣшкою, этимъ выраженіемъ отрицанія и безсилія? Нѣтъ, въ недавней борьбѣ отцовъ и дѣтей, нельзя сваливать всю вину на послѣднихъ. Отрицатели были дѣти своихъ отцовъ и свое отрицаніе получили отъ нихъ же въ наслѣдство.

Но камень былъ брошенъ и русское общество, сущность котораго составляло всегда отрицаніе, вдругъ приняло торжественный видъ и заговорило съ несвойственнымъ ему паѳосомъ о враждебныхъ силахъ, гнѣздящихся внутри его. Двѣ эти противоположныя силы: отрицаніе и паѳосъ всегда однако легко уживались въ ничего недѣлающемъ и немыслящемъ обществѣ. Они избавляли отъ дѣла, котораго всегда такъ боялись мы. Отрицаніе разъѣдало корни нашей жизни, подрывало ее всю, а паѳосъ приберегался какъ мундиръ для торжественныхъ сдучаевъ. Такой случай представился: паѳосъ заговорилъ грубо и рѣзко; тонъ его сдѣлался преобладающимъ и диктаторскимъ. Направленіе и содержаніе русской литературы должны были разомъ измѣниться. Неутѣшительное зрѣлище представляетъ она въ послѣдніе три года поворота, когда наша изо-моральная линія сильно раздвинулась для увеличившейся вдругъ наслаждающейся части общества. Литература всегда и вездѣ, какъ привыкли опредѣлять ее, служитъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Послѣднее составляетъ разумъ страны, ея лучшую мысль, ея задушевную думу. Какъ извѣстно, до недавняго времени увѣряли, что у насъ нѣтъ

общественнаго мнѣнія или, по крайней мѣрѣ, очень не высоко цѣнили послѣднее. Теперь литература начала утверждать, что она служитъ выраженіемъ этого мнѣнія и чтобъ придать себѣ значеніе, стала возвышать его, стала слѣпо льстить ему, ласкать его темные инстинкты, случайно развернувшіеся въ немъ подъ вліяніемъ борьбы. Никогда русская литература не представлялась въ такомъ унизительномъ видѣ, какъ въ послѣднее время и не мудрено было возникнуть странной и несправедливой мысли, но которая часто выражалась въ недавнее время, что наше общество стоитъ выше литературы. И опять, какъ прежде, лѣтъ десять тому назадъ, подъ вѣяніемъ иного вѣтра, все литературное движеніе приняло одинъ строй, но совершенно противоположный прежнему; опять мы встрѣчаемъ обличеніе, но теперь уже не жизни, а мысли и прежняго движенія, обличеніе какихъ то намѣреній, не имѣющихъ яснаго образа, обличеніе полное таинственныхъ и грозныхъ намековъ. Мы читали длинные романы, гдѣ авторы выводили на сцену современное движеніе Руси и сплегничали, поддѣлываясь подъ тонъ невѣжественной массы, угождая ея вкусу. Въ такомъ же родѣ были и стихи, такимъ же содержаніемъ отличались и нѣкоторыя ученыя статьи. Литература сдѣлась слѣдственнымъ судьею и искала вездѣ преступниковъ, хотя въ этомъ случаѣ она и походила на Донъ-Кихота, который случайно попалъ въ спящее царство русской сказки. Преслѣдуя призраки, бо́льшая и вліятельная часть нашей прессы въ послѣднее время, невольно преувеличивала значеніе преслѣдуемаго и заставила общество видѣть что-то враждебное даже въ самой мысли. Къ сожалѣнію, какъ бы отвѣчая этому пафосу и неделикатному обращенію съ мыслію, другая часть литературы, въ нѣкоторыхъ журнальныхъ органахъ, представила зрѣлище желчной и печальной вражды за какіе-то неясные, смутные вопросы. Вражда эта употребляла форму выраженія, еще болѣе унижавшую литературу, наполненную теперь никому невѣдомыми, личными и не имѣющими никакого отношенія къ духовному развитію страны намеками.

Въ этомъ напряженномъ состояніи литературы, конечно ей некогда было думать о созданіи дѣйствительныхъ, полныхъ жизни типовъ, которыхъ жаждетъ лучшая и мысля-

щая часть общества. Она слишкомъ безпокойна для свободнаго созданія и пока не имѣетъ на то силы. Между литературными типами и самою страною есть тайная и необходимая связь. Никакой геніальный писатель не создастъ такого типа, который бы не выросъ на дѣйствительной почвѣ. Они — выраженіе цѣлой исторіи страны, выраженіе ея лучшихъ силъ, ея надеждъ и стремленій. Если западныя литературы представляютъ подобные типы, которые содержаніемъ своимъ возбуждаютъ тамъ общественныя силы для дѣйствія, то этими типами Европа обязана своей дѣйствительной жизни, заключающей въ себѣ возможность ихъ. Поэтъ выражаетъ своими созданіями только то, что заключено въ душѣ народа. Изъ нея онъ вызываетъ эти блещущіе свѣтомъ и любовью, эти отрадные образы. Въ нашей литературѣ все подобное было и долго будетъ, до настоящаго гражданскаго развитія нашей жизни и нашего общества — неудачной идеализаціей. А между тѣмъ, какъ бы хотѣлось видѣть въ литературѣ родные типы въ лучшей, честной обстановкѣ, какъ бы хотѣлось увидѣть ихъ дѣйствующими съ вліяніемъ на жизнь! Въ послѣднее время были попытки въ литературѣ и въ этомъ родѣ. Одинъ изъ современныхъ писателей, никогда впрочемъ не бравшійся за созданіе художественныхъ типовъ, въ отвѣтъ на требованіе настоящей разумной дѣятельности, которое мучитъ молодыя силы, пытался было создать типы будущихъ русскихъ людей, въ которыхъ не было ничего общаго съ окружающею ихъ жизнію, но типы эти вышли ходячими и лишь одѣтыми въ платье теоріями и романистъ даже не могъ поселить ихъ въ русскомъ городѣ, а отвелъ для ихъ будущей дѣятельности какое-то фантастическое пространство, пустыню между Каспійскимъ и Аральскимъ морями. Другихъ подобныхъ попытокъ однако не повторялось. И старый романистъ, и молодой, болѣе другихъ талантливый писатель, по прежнему остановливаются на одномъ, созданномъ жизнію и долгимъ развитіемъ типѣ — отрицателя. Это не Мефистофель. Подъ саркастическою улыбкою Мефистофеля скрывается, правда чуждая человѣку, но богатая и своеобразная жизнь; здѣсь же за этими судорогами насмѣшки — пустота и безсиліе, то безсиліе, которое отворачивается отъ труда и свою личность, свое спокойствіе ставитъ выше всего. Подъ вліяніемъ этого отри-

цанія, развивается невѣріе въ свои силы, невѣріе въ окружающую жизнь, доходящія до самоотрицанія. Этимъ отрицаніемъ оправдывается лѣнь и апатія. Вотъ какъ одинъ изъ представителей нашей литературы, еще недавно думавшій сказать послѣднее слово обществу, выражается объ отношеніи умственной дѣятельности къ жизни и дѣйствительности. Поговоривъ о непониманіи толпою «великихъ», онъ такъ продолжаетъ о людяхъ обыкновенныхъ: «Что же сказать о тѣхъ, къ которымъ, при всемъ желаніи, нельзя примѣнить эти имена, даже въ томъ значеніи, которое придаетъ имъ слабый человѣческій языкъ?—Что сказать объ обыкновенныхъ, дюжинныхъ, второстепенныхъ, третьестепенныхъ труженикахъ—кто бы они ни были,—государственные люди, ученые, художники—особенно художники? Чѣмъ заставить ихъ стряхнуть свою нѣмую лѣнь, свое унылое недоумѣніе, чѣмъ привлечь ихъ опять на поле битвы—если только мысль о тщетѣ всего человѣческаго, всякой дѣятельности, ставящей себѣ болѣе высокую задачу, чѣмъ добываніе насущнаго хлѣба, закралась имъ въ голову! Какими вѣнками прельстятся — они, для которыхъ и лавры и тернія стали равно незначительны? Изъ чего они станутъ снова подвергаться смѣху «толпы холодной» или «суду глупца» — стараго глупца, который не можетъ простить имъ, что они отвернулись отъ прежнихъ кумировъ — молодаго глупца, который требуетъ, чтобы они тотчасъ вмѣстѣ съ нимъ, стали на колѣни, легли плашмя передъ новыми, только что открытыми идолами? За чѣмъ пойдутъ они опять на этотъ толкучій рынокъ призраковъ, на это торжище, гдѣ и продавецъ и покупатель равно обманываютъ другъ друга, гдѣ все такъ шумно, громко—и все такъ бѣдно и дрянно? За чѣмъ «съ изнеможеніемъ въ кости», поплетутся они вновь въ этотъ міръ, гдѣ народы, какъ крестьянскіе мальчики въ праздничный день, барахтаются въ грязи изъ за горсти пустыхъ орѣховъ, или дивятся, разинувъ рты, на лубочныя картины, разкрашенныя сусальнымъ золотомъ, въ этотъ міръ, гдѣ живуче только то, что не имѣетъ права на жизнь, и оглушая самаго себя собственнымъ крикомъ, каждый судорожно спѣшитъ къ неизвѣстной и непонятной ему цѣли? Нѣтъ... нѣтъ... Довольно»...

Безотрадное чувство оставляетъ въ душѣ читателя эта страница русскаго писателя, задуманная глубоко въ душѣ и выраженная скорбно. Что она такое? Вылилась ли она только изъ личнаго чувства или имѣетъ она также отношеніе и къ нашей дѣйствительности? Откуда это невѣріе въ собственныя силы, откуда это отрицательное, даже презрительное отношеніе къ жизни, которая требуетъ труда и отданія себя ему всецѣло? Сколько бы ни примѣшивалось къ словамъ этимъ личнаго чувства, все же они имѣютъ прямое отношеніе къ дѣйствительности и выражаютъ старческое безсиліе нашего общества и невѣріе въ жизнь и дѣятельность, распространенное даже между молодою его частью. Гдѣ же настоящая дѣятельность? Въ чемъ искать ее? Что дѣлать? Мы *не знаемъ* этой настоящей дѣятельности, мы не привыкли къ той муравьиной работѣ, гдѣ есть каждому свое мѣсто и каждому свое дѣло, исполняемое честно и безъ самолюбивой думы. Казалось у насъ ли, въ русской ли странѣ, которая доселѣ такъ недалеко ушла въ своемъ гражданскомъ и умственномъ развитіи, гдѣ запросъ на работу встаетъ на каждомъ шагу, не найти человѣку дѣятельности? Чтобъ достойно удовлетворить требованіямъ жизни у насъ, людямъ надобно кажется проживать ее вдвойнѣ. И само правительство, идущее впереди нашего развитія, вызываетъ русское общество къ усиленной дѣятельности своими быстро слѣдующими другъ за другомъ реформами, которыя намъ не стоятъ никакого труда, никакихъ пожертвованій, не такъ какъ въ Европѣ, гдѣ пріобрѣтеніе ихъ стоило долгихъ и упорныхъ усилій. Крестьянская реформа съ своими многочисленными послѣдствіями въ экономическомъ быту почти цѣлаго общества, съ необходимымъ измѣненіемъ системы тысячелѣтняго хозяйства, земство, отъ котораго европейски-образованный человѣкъ ждетъ раскрытія и развитія народныхъ силъ и богатства, ждетъ устройства матеріальной жизни, сообщеній, народнаго образованія, судебная реформа съ своимъ глубокимъ вліяніемъ на нравственность народную, на правду народа, наконецъ возможность дѣйствительной, а не воображаемой гласности, какою мы тѣшились, какъ дѣти игрушками, въ послѣдніе годы. И эти реформы ничего не стоятъ обществу; онѣ подарены; онѣ свалились съ неба. Остается только, сознавая изъ значеніе для жизни, на-

пряженно трудиться для ихъ осуществленія и прочнаго существованія. И что же мы видимъ вокругъ себя? Большинство журнальныхъ органовъ, привозимыхъ каждою почтою, свидѣтельствуетъ о печальномъ равнодушіи нашего общества къ той новой жизни, къ которой призывается наше отечество правительственною властію. Нѣтъ ничего грустнѣе этой апатіи, съ которою всякое дѣло жизни дѣлается мертвечиною, гдѣ дѣятельность замѣняется пустыми словами и растрачивается только на занятія, убивающія всякую мысль и всякую возможность труда.

Никакая литература не въ состояніи создать жизни или вдохнуть ее въ мертвое общество. Ея слова и наставленія, ея сатира и обличеніе будутъ безсильны въ этомъ случаѣ, потому что сама она связана тайною силою съ обществомъ. Послѣднее проходитъ безмолвно мимо карающей сатиры и прислушивается только къ тому, что льститъ его инстинктамъ и невѣжеству. Сатира и обличеніе, гнѣвъ и печаль дѣйствуютъ только на тѣ личности, которыхъ не успѣла еще затронуть жизнь, но когда начнется власть послѣдней, тогда благородныя слова молодаго стремленія исчезнутъ передъ ея мертвящимъ, убивающимъ содержаніемъ. Слова безсильны въ борьбѣ съ жизнію, но есть могущество, которое одно только, давая реальное содержаніе нашей жизни, литературѣ, мысли, можетъ дѣйствительно расшевелить общество, создать его энергію и дать силу безсодержательному, но благородному увлеченію, въ борьбѣ его съ жизнію. Это могущество—наука и знаніе, конечно не тѣ, которыя чуждаются дѣйствительности, ищутъ только самоудовлетворенія и самоуслажденія, но знаніе и наука—дѣйствительныя, которыя можно примѣнить къ дѣлу успѣха своей родной страны. Рѣшительно все равно, на какой бы основѣ ни развивалось знаніе, въ виду его настоятельной потребности,—на классической или реальной,—но только, чтобъ оно составляло не пустую форму, не подобіе знанія, а было дѣйствительно. Этого знанія недостаетъ обществу; недостатокъ знанія, недостатокъ дѣятельной мысли—вотъ причина той болѣзненной умственной апатіи, которою страдаетъ наша жизнь, причина почему она не берется за работу. Реформы слетаютъ съ неба, какъ невиданные метеоры страннаго вида и очертаній и равнодушная толпа

стоитъ кругомъ безучастно, не понимая за чѣмъ эта неожиданная благодать? Общество болѣетъ незнаніемъ, недостаткомъ положительныхъ знаній и бездѣятельностію мысли; для него идеалъ жизни—наслажденіе; оно боится даже мысли въ одно время и преслѣдуетъ ее въ другое, не понимая, что это самоубійство. Пора сознать этотъ коренной и вѣковой недостатокъ, пора приняться за работу мысли. Конечно отвѣтственность за науку и знаніе, за значеніе ихъ и за примѣнимость ихъ къ жизни, лежитъ главнымъ образомъ на нашихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ и университетахъ, но и существованіе послѣднихъ тѣсно связано съ окружающимъ обществомъ. Наука—не отдѣльный организмъ, развивающійся независимо отъ того, что стоитъ рядомъ съ нимъ; она дышетъ тѣмъ же воздухомъ, какъ и все ее окружающее. Безъ сомнѣнія наши молодые университеты, изъ которыхъ одинъ только гордится своимъ столѣтнимъ существованіемъ, мало сдѣлали покуда для развитія нашего общества; но могли ли они сдѣлать больше?—это еще остается вопросомъ. И ихъ, какъ и общество, гнететъ одинъ коренный недугъ, порожденный жизнію — апатія; между университетами и обществомъ нѣтъ дѣйствительной, разумной связи; наука, вынесенная изъ стѣнъ университета, исчезаетъ въ жизни, испаряется въ ней, подобно тому какъ молодое увлеченіе, неподдержанное знаніемъ, превращается въ пошлость. Пусть общество перестанетъ искать въ университетахъ не знаніе, а однихъ только правъ на службу; пусть цѣнятся и уважаются знанія и тогда, кажется мнѣ, связь жизни съ наукою будетъ и крѣпче и тѣснѣе, а только отъ этой связи зависитъ самодѣятельность общества. Европейская исторія и развитіе ея жизни доказываютъ тотъ положительный фактъ, что всякій успѣхъ страны и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ и въ гражданскомъ отношеніи, у насъ производимый или вызываемый только правительственной регламентаціей, создается единственно положительнымъ знаніемъ, успѣхами ума и развитіемъ мысли, а не тою жалкою пародіею на науку, которою мы владѣемъ теперь и не тою наружною образованностію, на которую привыкло ссылаться наше общество. Тогда и литература наша будетъ имѣть лучшую достойнѣйшую исторію, потому что ей, какъ и жизни даетъ содержаніе наука и развитая знаніемъ мысль.

Вотъ почему, кажется мнѣ, въ отечествѣ нашемъ слова о пользѣ науки и знанія никогда не будутъ общими мѣстами, не смотря на то, что ихъ часто и много повторяли у насъ. Да простятъ слушатели и мнѣ за это новое повтореніе аксіомы, признанной и утвержденной вѣками. Только полгода назадъ тому Россія, въ разныхъ городахъ своихъ, въ кругу образованнаго общества, чествовала память великаго русскаго человѣка—Ломоносова. Это воспоминаніе о первомъ нашемъ ученомъ, первомъ вводителѣ у насъ европейской науки съ ея прямымъ примѣненіемъ къ отечественной жизни — было также призывомъ къ умственной дѣятельности, къ труду ума. На границѣ нашей новой исторіи, въ началѣ новой жизни, человѣкъ этотъ, преданный наукѣ, превосходно понимавшій значеніе ея для горячо любимой имъ родины, выдержавшій изъ за нея долгую и трудную борьбу,—не разъ твердилъ своимъ современникамъ о значеніи знанія для жизни. Припоминая теперь объ этомъ юбилеѣ Ломоносова, объ этомъ праздникѣ въ честь науки и знанія, я надѣюсь, что вы сойдетесь со мной въ искреннемъ желаніи, чтобъ призывъ Ломоносова не былъ случайнымъ и мимолетнымъ, чтобъ энергическія слова его, глубоко-сознанныя имъ и выстраданныя, чаще и чаще раздавались между нами, чтобъ для даромъ отживающихъ они звучали укоромъ, а начинающихъ жить звали къ умственной дѣятельности и говорили о великомъ возбудительномъ ея значеніи.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.